

В. С. СОЛОВЬЕВ

Национальный вопрос в России

<Фрагмент>

<...> Когда говорят о всеславянстве, о славянском культурно-историческом типе, то не обращают достаточного внимания на то, что все славянство разделено пополам, что есть два славянские типа, две славянские культуры. Эти два славянства различаются не этнографическими только особенностями, а главное своими духовными началами: славянство западное образовалось под духовным воздействием Рима, славянство восточное — под духовным воздействием Византии. Эта двойственность и составляет сущность славянского вопроса. Жизненный вопрос для славянских народностей не в том, как им освободиться от иноплеменников: большая часть этого дела уже сделана, и довершение остального есть лишь вопрос времени; жизненный же вопрос для славянства гораздо труднее и значительнее: как и чем соединить два разрозненных мира — греко-славянский и латино-славянский? Просто, само собою, это соединение совершиться не может: не говоря уже о поляках, и остальные западные славяне, чехи, хорваты, словенцы, не обнаруживают никакой готовности оторваться от католической Европы и войти в состав греко-восточного царства. Внешнее объединение восточного и западного славянства, так же как и объединение всего восточного и западного мира, возможно и желательно только путем внутреннего соединения тех образующих начал восточного и западного христианства, которые исторически разделились между собою, но по истинному смыслу христианства должны не исключать, а восполнять друг друга.

Западные славяне — католики и хотят всегда оставаться католиками. Восточные славяне, с Россией во главе, — православные и всегда останутся православными. Ни те не откажутся от католичества, ни мы не откажемся от православия. Ясно, значит, что духовное единение

восточных и западных славян (так же как и вселенское единение) возможно только в том случае, если православие и католичество не будут исключать друг друга, если можно будет, оставаясь православным, быть вместе с тем католиком, и оставаясь католиком — быть православным. И это никак не противоречит существу дела. Западная Церковь никогда не отрекалась от православия, и Восточная Церковь никогда не отказывалась от кафоличности. Отличительные особенности этих Церквей, заостренные племенным антагонизмом, враждебно обращены друг против друга, но некогда они мирно совмещались и еще должны совместиться в полноте вселенской Церкви.

Крепче всего антагонизм восточного и западного христианства укоренился на почве церковно-политической. Главный упрек, который делают нам католики, это наш *цезаро-папизм*; главный упрек, который мы им делаем, — это их *папо-цезаризм*. Католики упрекают греков и нас за то, что будто бы те делали, а мы до сих пор делаем императора — главой Церкви. Мы их упрекаем за то, что они не только сделали папу светским государем, но хотели бы и всех остальных государей подчинить ему, сделать его главою государства вообще. Но к кому и чему, собственно, относятся эти обоюдные обвинения? В каком догмате Католической Церкви установлены государственные права папы, в каком определении *ex cathedra* папа объявлен главою христианского государства? Таких догматов и определений не существует. С другой стороны, и главенство царя над Церковью никак не есть догмат православия. Значит, ни Католическая Церковь не повинна в папо-цезаризме, ни Православная не повинна в цезаро-папизме. Если же церковно-политические принципы Востока и Запада освободить от исторических злоупотреблений, которые нельзя отрицать, но за которые не должно держаться, так как они не имеют никакой высшей санкции, то и окажется, что наш цезаро-папизм сводится к истинной и многозначительной идее христианского царя как особой самостоятельной власти и особого служения в Церкви, — и точно так же западный папо-цезаризм сводится к истинной и многозначительной идее верховного первосвященника, который, пользуясь высшим духовным авторитетом во всем христианском мире, является с таким авторитетом и пред христианским государством, хотя и не имеет над ним никакой прямой власти в государственных делах. Духовный авторитет первосвященника и государственная власть христианского царя не могут противоречить друг другу, исключать друг друга. Эти два начала исключают друг друга лишь своими злоупотреблениями, но первое и коренное злоупотребление есть именно их рознь, их враждебное противостояние.

Так как высшая духовная и высшая светская власть по существу своему разнородны и имеют свои особые области, то их совместное существование нисколько не нарушает их самостоятельности и не образует двоевластия. Для столкновения и противоборства этих двух властей нет никакого принципиального законного основания. Точно так же нет никакого принципиального и справедливого основания для антагонизма между папским единовластием и соборным началом Восточной Церкви. Для христианства существенна идея первосвященника, необходимо бытие в Церкви архиерея, непрерывным преемством связанного с апостолами и Христом, единым вечным Первосвященником. Эта идея Первосвященника на Западе представлялась преимущественно единолично, сосредоточиваясь в лице верховного первосвященника, папы. На Востоке та же самая идея являлась преимущественно собирательно — в соборе епископов. Это есть различие и контраст, но не противоречие. Восточное христианство, сосредоточив свое единство в лице христианского царя и его единовластия предоставив внешнее представительство Церкви, признав императора «наружным архиереем», как называл себя Константин Великий, внутренние дела Церкви решало обыкновенно чрез собор епископов. Это, однако, вовсе не значит, чтобы Православная Церковь принимала самую форму соборности за *непременное* ручательство истины, или чтобы она признавала собор епископов за *единственно* законный и совершенный образ церковного правления. Мы верим в семь Вселенских соборов, потому что они определили истинный православный догмат. Эти соборы и на том же основании почитаются и в Западной Церкви. Верить же в собор *вообще* или в «соборное начало» никто не обязан. Да такая вера и не может иметь для себя основания. Соборное начало само по себе есть начало человеческое и как все человеческое может быть обращено и в хорошую, и в худую сторону. Рядом с истинными православными соборами были соборы ложные, еретические, и один из них, имевший притом все наружные признаки Вселенского собора, остался в церковной истории с прозванием разбойничьего собора. Ясно, таким образом, что соборность не ручается за истинность, а следовательно, не может быть предметом веры. Если в славянском чтении Символа веры Церковь признается соборною, то это, как известно, есть лишь архаический перевод греческого слова *кафоликí* и, следовательно, означает Церковь, собранную отовсюду, Церковь всеобщую, а никак не Церковь, управляемую собором епископов: для выражения этого последнего смысла по-гречески должно было бы стоять не *кафоликí*, а *синодикí*. Опирайтесь на иное истолкование славянского перевода как на аргумент в поль-

зу собранного начала для всей Церкви, было бы очень неправильно и в особенности неудобно относительно православных греков, которые в Символе ничего не читают о соборном начале и весьма охотно сосредоточили бы управление всею Церковью в руках вселенского патриарха в Царьграде.

Правильная соборность как одна из существенных форм церковного действия не исключает никакого другого начала и никаким другим началом не исключается. В этом смысле соборность всегда признавалась и представителями церковного единовластия — римскими папами. Все те Вселенские соборы, которые почитаются на Востоке, были признаны и папами, не исключая и того из этих соборов (второго), на котором вовсе не было представителей Западной Церкви. Да и после злополучного разделения Церквей соборное начало проявлялось на Западе даже гораздо сильнее, чем на Востоке. Не говоря о великом множестве частных соборов во всех странах Европы, после разделения Церквей было до двенадцати общих соборов всей Западной Церкви, из коих на двух (Лионском и Флорентийском) были представители православного Востока. Папское единовластие не утверждается в *исключительном* смысле и постановлениями последнего Ватиканского собора. Слова *non autem ex consensu ecclesiae*¹, взятые в связи с своим контекстом, означают только, что решения, объявленные папой *ex cathedra*, т. е. в качестве учителя всей Церкви, могут иметь законную силу и без формального согласия епископского собора и прочих верующих. Этим ограничивается, но не исключается значение соборного начала в Церкви. Принцип папского единовластия в Западной Церкви не мешал и не мешает папам действовать соборно. Находя первообраз этого единовластия в первенствующем значении апостола Петра, они знают, что вместе с ним были другие апостолы, был собор апостольский. Точно так же и Восточная Церковь, находящая в этом апостольском соборе первообраз своего царственного строя, не обязана из-за этого отвергать особого значения апостола Петра и его преемников. И действительно, до разделения Церквей соборное начало в Церкви Восточной не мешало ей понимать и принимать особый авторитет римского престола. Достаточно прочесть сохранившиеся (в греческом подлиннике) акты третьего, четвертого, шестого и седьмого Вселенских соборов, чтобы видеть, какое выдающееся значение имели догматические послания пап *. Вообще Вселенские соборы созывались православными императорами и руководились

* От первого и второго Вселенских соборов, как известно, вовсе не осталось актов, а от пятого — только в латинском переводе.

догматическими указаниями православных пап. Самые лучшие и важные моменты в жизни Вселенской Церкви были моментами полного согласия и единодушия папы, императора и собора.

Это согласие, нарушенное злополучным разделением Церквей, может и должно быть восстановлено. Что должны сделать католики для соединения с нами — это их дело. С нашей же стороны для соединения с ними не нужно отказываться ни от чего своего истинного и существенного: нужно только отрешиться от предубеждений и недоразумений, порожденных давней враждой. — В области церковно-политической Восток стоит за самостоятельную власть христианского царя и его особое значение в Церкви; эта власть и это значение не отвергаются католичеством, и, сохраняя этот свой принцип, мы можем соединиться с католичеством. В области собственно церковной Восток стоит за соборный элемент в церковном управлении и в частности за непреложность догматических решений семи Вселенских соборов: эти Соборы и их решения вместе с нами признает и католичество, не отрицает оно и соборного элемента вообще, и мы можем соединиться с католичеством, твердо держась нашего и вселенского предания. Все нами признаваемое они не отрицают. Они стоят и строят на том же самом церковном основании, на каком и мы, и мы могли осуждать не основание их, которое есть и наше — единое святое и истинное основание Церкви, а лишь те постройки, которые они сделали на этом основании. Однако, по справедливому замечанию знаменитого митрополита Филарета, хотя бы эти постройки были из тростия и соломы, мы осуждать их не имеем права, ибо такой суд, согласно апостольскому учению, принадлежит одному Богу и объявится лишь в конце времен. Особенно же мы, восточные, не имеем права на такой суд; ибо мы хотя и свято храним божественное основание Церкви, но вот уже девятый век ничего на нем не создаем и часто пользуемся трудами этих самых порицаемых нами зодчих. Немало обвинений делается католичеству с нашей стороны. Одни видят в католичестве господство рационализма и логического формализма; другие, напротив — преобладание грубого сенсуализма и материализма; для одних католичество есть возвращение к языческому романизму, для других же оно есть повторение юдаизма; некоторые, не отрицая христианского характера в католичестве, обвиняют его только в ереси (притом одни в одной, другие в другой), а иные останавливаются и пред этим обвинением, ограничиваясь лишь упреком в расколе. Но уже великое множество таких обвинений, несогласных между собою, а иногда и прямо исключających друг друга, в связи с этим непостоянство в практическом отношении греческой Церкви к католичеству — эти колебания и переходы от пол-

ной унии до перекрещивания латинян — все это ясно показывает, что мы имеем здесь дело с вопросом нерешенным и что наши резкие осуждения католичества, признание его ересью и т. п. суть лишь частные мнения, ни для кого не обязательные. А между тем, пока не решен этот великий церковный вопрос, остается нерешенным и вопрос славянский, и нечего нам думать о единении славян, о все-славянстве и его всемирном призвании. Какое же возможно единение между народами, у которых самые их духовные жизненные начала разделены и враждуют между собою? Разве недостаточно показал вековой опыт, что духовная рознь сильнее кровного братства? Итак, прежде всего подумаем о духовном соединении.

